

На правах рукописи

БУДАЕВ Эдуард Владимирович

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕЙ-
СТВИТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ И БРИТАНСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2006

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук, профессор
Чудинов Анатолий Прокопьевич

**Официальные
оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Бабенко Людмила Григорьевна

кандидат филологических наук, доцент
Бабич Галина Николаевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Уральский государственный
экономический университет»

Защита состоится «26» мая 2006 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.283.02 при ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» по адресу: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 316.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале научной библиотеки Уральского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан «25» апреля 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Пирогов Н. А.

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертация посвящена сопоставительному когнитивному исследованию метафорических моделей, функционирующих в российском и британском политическом дискурсе при осмыслении постсоветской действительности России, Грузии и стран Балтии. В процессе такого исследования сопоставляются, во-первых, российский и британский варианты метафорического представления постсоветской действительности, а во-вторых, закономерности метафорического представления современной реальности в России, Грузии и странах Балтии.

Актуальность исследования метафорических моделей обусловлена перспективностью дальнейшего развития теории метафорического моделирования как основы для практического выявления корреляций между концептуальными метафорами, отражающими национальное сознание, и политическим дискурсом, в котором концептуальные метафоры реализуются как лингвосоциальный феномен. Сопоставительное изучение закономерностей метафорического моделирования действительности дает возможность выявить универсальное и национально специфичное в ментальном мире человека и общества и проследить, как когнитивные структуры реализуются в национальных политических дискурсах. Сопоставительное исследование метафорических моделей направлено на повышение эффективности межкультурного взаимодействия, что является одной из наиболее актуальных задач как на постсоветском пространстве, так и в сфере взаимоотношений постсоветских республик с другими государствами.

Объект исследования – метафорические словоупотребления, актуализированные в российском и британском политическом дискурсе для осмысления постсоветской действительности России, Грузии и стран Балтии в 2000–2005 гг.

Предмет исследования – когнитивно-дискурсивные закономерности функционирования метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе и их зависимость от сферы-мишени метафорической экспансии.

В качестве **материала для исследования** использовались политические тексты как печатных, так и электронных британских и российских СМИ 2000–2005 гг., содержащие метафорические словоупотребления, актуализированные для осмысления постсоветской действительности России, Грузии и стран Балтии. Всего было рассмотрено 5600 метафорических словоупотреблений (одинаковое количество в российских и британских источниках), распределенных по сферам-мишеням «Россия» (2000 единиц), «Грузия» (1800 единиц) и «Страны Балтии» (1800 единиц).

Целью настоящей диссертации является сопоставительное когнитивное исследование (выделение, описание фреймово-слотовой структуры, си-

стематизация, классификация, контекстуальный анализ, дискурсивный анализ, лингвокультурологическое описание) метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе и выявление корреляций когнитивно-дискурсивных характеристик метафорических моделей со сферой-мишенью метафорической экспансии.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить теоретические основы когнитивно-дискурсивного анализа метафоры и методику исследования;
- выявить и систематизировать концептуальные метафоры в британском и российском политическом дискурсе;
- провести описание и классификацию метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе;
- провести анализ универсального и специфичного в функционировании метафорических моделей в британском и российском политическом дискурсе;
- выявить корреляции между свойствами метафорических моделей и сферами-мишенями метафорической экспансии.

Методология настоящего исследования сложилась под влиянием теории концептуальной метафоры (М. Johnson, G. Lakoff), успешно развиваемой в теории метафорического моделирования на основе когнитивно-дискурсивной парадигмы (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Т. Г. Скребцова, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов, J. Zinken и др.). Представленная работа также опирается на достижения дискурс-анализа (А. Н. Баранов, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, C. de Landtsheer, A. Musolff, R. Wodak, G. Yule и др.) и лингвокультурологии (С. Г. Воркачëв, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова, В. Н. Телия и др.).

В процессе работы использовались следующие **методы**: когнитивно-дискурсивный анализ, моделирование, классификация, контекстуальный анализ, статистическая обработка материала, сопоставительный анализ с учетом лингвокультурологической характеристики исследуемых явлений.

Теоретическая значимость диссертации заключается в сопоставительном когнитивно-дискурсивном исследовании метафорического моделирования постсоветской действительности в политическом дискурсе России и Великобритании и в развитии методики сопоставительного изучения метафор, позволяющей продемонстрировать эвристичность интегрального когнитивно-дискурсивного подхода к метафорическому анализу. Материалы диссертации могут быть использованы в дальнейших исследованиях по проблемам общей теории метафорического моделирования и сопоставительного ис-

следования метафорических моделей в национальных политических дискурсах.

Научная новизна диссертации заключается в исследовании метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе при осмыслении политической реальности России, Грузии и стран Балтии. Такой ракурс сопоставления позволяет выявить корреляции между сферами-мишенями метафорической экспансии и степенью влияния когнитивных и дискурсивных факторов на функционирование метафорических моделей.

Практическая значимость исследования связана с возможностями использования ее материалов в двуязычной лексикографической практике, в практике преподавания иностранного языка и курсов по межкультурной коммуникации, теории перевода, когнитивной и политической лингвистике, лингвокультурологии и связям с общественностью.

Апробация материалов исследования. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседании кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, заседаниях кафедры иностранных языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, а также на международных, общероссийских и региональных конференциях в Екатеринбурге («Современная политическая лингвистика», 2003; «Лингвистика XXI века», 2004; «Перевод и межкультурная коммуникация», 2004; «Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация», 2005; «Новая Россия: Новые явления в языке и в науке о языке», 2005) и Нижнем Тагиле («Система и среда: Язык. Человек. Общество», 2005; «Проблемы культуры речи», 2006).

По теме диссертации опубликовано девять научных работ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Свойства метафорических моделей в различной степени зависят от когнитивно-дискурсивных факторов. Сопоставительный анализ метафорики позволил выделить дискурсивно устойчивые метафорические модели, не проявляющие значимых различий по критерию сферы-мишени метафорической экспансии, и дискурсивно неустойчивые метафорические модели, свойства которых сильно варьируются в зависимости от сферы-мишени. К числу первых относятся метафорические модели со сферами-источниками «Человеческий организм», «Война», «Болезнь», «Спорт и игра», «Театр» и «Мир Животных». Во вторую группу входят модели со сферами-источниками «Родство» и «Монархия».

2. В российском и британском политическом дискурсе выделяются два типа функционирования дискурсивно неустойчивых метафорических моделей. В первом случае метафорическая модель востребована и в российском, и в британском политическом дискурсе для концептуализации одних сфер-мишеней, но оказывается совершенно невостребованной для концептуализации других сфер-мишеней (сфера-источник «Монархия»). Второй тип особенно-

стей функционирования метафорической модели связан с тем, что в российском политическом дискурсе определенная сфера-мишень регулярно концептуализируется в понятиях соответствующей сферы-источника, в то время как в британском политическом дискурсе подобные метафоры для той же сферы-мишени нехарактерны. Вместе с тем при смене сферы-мишени в качестве объекта рассмотрения прагматический потенциал той же сферы-источника, который не был востребован в российской политической речи, регулярно используется для концептуализации данной сферы-мишени в британском политическом дискурсе (сфера-источник «Родство»).

3. Интегральный, когнитивно-дискурсивный подход к анализу метафорических моделей в политическом дискурсе обладает эвристиками, недоступными для когнитивного анализа и дискурс-анализа, если они применяются в научном исследовании по отдельности.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и списка источников. Для иллюстрации частотности рассматриваемых языковых явлений в диссертации используются таблицы и диаграммы. Объем основного текста диссертации составляет 192 страницы, общий объем диссертации – 220 страниц.

Основное содержание исследования

Во **Введении** представлена характеристика основных параметров исследования: обосновывается актуальность поставленной проблемы; определяются объект, предмет и материал исследования; обозначается его цель и задачи; описываются методы проведения исследования; раскрывается научная новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость; формулируются положения, выносимые на защиту, и приводятся сведения об апробации работы.

В первой главе – **Теоретические основы сопоставительного исследования метафорического моделирования постсоветской действительности** – определяются теоретические основы когнитивно-дискурсивного анализа политической метафорики как методологического основания современной теории метафорического моделирования.

В первом параграфе рассматриваются основы когнитивного подхода к исследованию метафоры и даётся обзор основных направлений в изучении когнитивной политической метафоры в современной лингвистике.

В современной когнитивистике метафору принято определять как ментальную операцию над концептуальными структурами, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, М. Johnson, G. Lakoff). Такое понимание рассматриваемого феномена восходит к теории концептуальной метафоры, согласно которой в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами

знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате однонаправленной метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры.

Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов. Благодаря этому свойству становятся возможными метафорические следствия, которые в метафорическом выражении эксплицитно не выражены, но выводятся на основе фреймового знания. Таким образом, когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для действия.

Новые научные представления об онтологическом статусе метафоры и ее гносеологическом потенциале легли в основу философского уровня когнитивной методологии, однако при решении вопросов о процедурах обработки знаний и механизме метафоризации, способах репрезентации когнитивных структур и их системности мнения исследователей разошлись и на современном этапе в рамках когнитивной парадигмы можно выделить несколько взаимодействующих, дополняющих и развивающих друг друга подходов, которые, объединяясь по принципу «фамильного сходства», формируют сложный научный прототип когнитивного подхода к анализу метафоры: классическая теория концептуальной метафоры (G. Lakoff, M. Johnson), теория концептуальной интеграции (J. Barnden, S. Coulson, G. Fauconnier, T. Oakly, M. Turner, T. Veale), теория первичных и сложных метафор (J. Grady, S. Morgan, S. Taub), когерентная модель метафоры (K. Holyoak, B. Spellman, J. Ullman), коннективная теория метафорической интерпретации (D. Ritchie), дескрипторная теория метафоры (А. Н. Баранов, J. Zinken), теория метафорического моделирования (А. П. Чудинов) и др. Вектор исследований по когнитивной метафоре располагается по направлению от системы языка к ментальной среде функционирования системы, что не означает отказа от самого принципа системности: осознание сложности объекта исследования приводит к поиску системности другого (концептуального) уровня. Положение о концептуальном характере метафоры, конституирующее целесообразность апеллирования к ментальным структурам при экспликации языковых феноменов, поставило вопросы о системности концептуальных структур, их корреляциями с языковыми структурами и метаязыке научного описания этой системности. Исследователи используют различные по объему и содержанию понятия для описания структур знаний и их взаимодействий. В теории метафорического моделирования для отображения структуры метафорической модели используются понятия фреймов и слотов. Под фреймом понимается концептуальная структура для декларативного или процедурного представления знаний о ти-

пизированной ситуации или о типичных свойствах объекта. Слот – компонент фрейма, детализирующий свойства и элементы типизированной ситуации. Фреймово-слотовая структура метафорической модели отражает не научную картину мира, а то, что исследователи называют обыденными (наивными) представления человека о мире, донаучной картиной мира (А. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, С. Г. Воркачев, Л. Н. Иорданская, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, С. Е. Никитина, М. В. Пименова, Е. В. Рахилина, Е. А. Урысон, А. П. Чудинов, Е. С. Яковлева, М. Johnson, G. Lakoff, G. Radden, J. Zinken и др.).

Согласно когнитивной методологии человек склонен реагировать не на реальность как таковую, а на собственные когнитивные репрезентации реальности, и выводы, которые он делает на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия. Этим объясняется особенно повышенный интерес современных исследователей к концептуальной метафоре в сфере политической коммуникации (А. Н. Баранов, А. А. Каслова, И. М. Кобозева, С. Н. Муране, Н. А. Санцевич, Т. Г. Скребцова, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов, D. Berho, J. Charteris-Black, P. Chilton, A. Cienki, P. Drulak, R. Hülse, H. Kelly-Holmes, V. Kennedy, G. Lakoff, C. de Landtsheer, G. Lule, M. Luoma-aho, A. Musolff, R. Paris, E. Refaie, T. Rohrer, O. Santa Ana, E. Semino, J. Wei, J. Zinken и др.).

Когнитивное исследование политической метафоры направлено на анализ двух типов корреляции метафоры и концептуальной системы человека. Исследование политических метафор, с одной стороны, позволяют выявить структуры «коллективного подсознательного», которые не выражены эксплицитно. Этот аспект можно сформулировать как «сознание (подсознательное) определяет метафоры» и соответственно анализ метафор – это анализ концептуальных структур. Вместе с тем прагматический потенциал метафор сознательно используется в политической коммуникации для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход можно выразить в формуле «метафоры определяют сознание».

В рамках когнитивного анализа, направленного на выявление согласованных с определенной культурой конвенциональных метафорических соответствий, возникают трудности с экспликацией концептуальной «эволюции» метафор, которая в большей степени связана с профилированием в политической коммуникации не востребованных ранее модусов действительности или появлением новых экстралингвистических феноменов, чем с прототипическим опытом взаимодействия человека с окружающим миром. Преодоление этих трудностей в исследовании каузальности порождения и функционирования метафор возможно на пути дополнения когнитивного подхода эвристиками дискурс-анализа, что является предметом рассмотрения в следующем параграфе.

Во втором параграфе рассматривается проблема определения дискурса, ограничиваются рамки политического дискурса, рассматриваются основные подходы к дискурс-анализу политических метафор в современной лингвистике и обосновывается выбор принимаемого в настоящей диссертации подхода с указанием на эвристики выбранного варианта.

Большинство подходов к дискурсу объединяется по принципу фамильного сходства: ученые акцентируют внимание на различных аспектах условий порождения дискурса в зависимости от исследовательских традиций, целей и материала исследования. Мы присоединяемся к мнению тех ученых, которые рассматривают дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний.

Анализ материала показывает, что некоторые сферы общественной жизни эксплицитно связываются адресантом коммуникации с политической жизнью общества, а многие метафорические выражения, посвященные неполитическим сферам общественной жизни, позволяют адресату без особых затруднений получать выводы политического свойства. Содержание сообщения нередко соотносится со сферой политики имплицитно и исследование дискурса направлено на изучение того, что не сказано или не написано, но получено или ментально сконструировано адресатом в процессе коммуникации. Поэтому при отборе материалов для исследования политического дискурса использовались не только тексты, созданные собственно политиками или их спичрайтерами, но и материалы средств массовой информации.

Характерная черта современных российских исследований – теоретическая и практическая разработка когнитивно-дискурсивного подхода к анализу метафоры, объединяющего описание роли метафоры в категоризации и концептуализации политического мира с рассмотрением особенностей ее функционирования в реальной коммуникации (А. Н. Баранов, Т. С. Вершинина, Ю. Н. Караулов, А. А. Каслова, Р. Д. Керимов, Е. В. Колотнина, Н. А. Красильникова, А. Б. Ряпосова, Н. А. Санцевич, Т. Г. Скребцова, А. М. Стрельников, Ю. Б. Феденева, Н. М. Чудакова, А. П. Чудинов и др.). В основе такого подхода лежит тезис о невозможности четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры. При когнитивно-дискурсивном подходе «усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое языковое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [Кубрякова, 2004: 520]. Метафора одновременно описывается и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен, соответственно только когнитивная или только дискурсивная трактовка метафоры препятствует ее адекватному описанию.

В третьем параграфе на основе анализа современных исследований рассматриваются основные методики исследования метафорических моделей с целью определить и обосновать подход к исследованию, интерпретации и представлению материала исследования. Изложение имеет следующую структуру: изложение общей методики описания и характеристики метафорической модели, рассмотрение основных методик исследования метафорических моделей и обоснование методики для сопоставительного анализа метафорических моделей в настоящем исследовании.

Основываясь на анализе исследований концептуальной метафоры выделяются четыре основные методики.

1. Методика исследования метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии.

2. Методика исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии.

3. Методика исследования метафор в дискурсе адресанта.

4. Методика моделирования базовых когнитивных структур категоризации политического мира на основе анализа метафор.

Каждая методика представлена в двух вариантах: исследования метафорических моделей на материале одного языка и сопоставительные исследования.

В диссертационном исследовании при обращении к британскому и российскому политическому дискурсу применяется методика параллельного сопоставительного исследования метафорических моделей, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии. Вместе с тем предлагается модифицированный вариант этой методики, при котором анализируются сразу три сферы-мишени метафорической экспансии: «Россия», «Грузия» и «Страны Балтии».

При отборе сфер-мишеней учитывались результаты и теоретические выводы исследований по метафорическому моделированию в политическом дискурсе. Для наших целей оказались важны идеи А. Н. Баранова, Х. де Ландтсхеер, Д. Фертессен, А. П. Чудинова о корреляции функционирования метафорических моделей и социально-политических кризисов. После распада СССР только Грузия и страны Балтии не вошли в СНГ и в дальнейшем именно с этими республиками возникали регулярные разногласия по самым разнообразным вопросам международных отношений. Учитывая, что количество метафор в политическом дискурсе возрастает в периоды кризисов и конфронтаций, для анализа метафорического представления были отобраны именно эти республики. Как показал анализ исследований, направленных на моделирование базовых структур категоризации политического мира, метафорические модели коррелируют с этими структурами и во многом от них зависят. Гипотетически в российском сознании можно ожидать различную удаленность сфер-мишеней «Грузия» и «страны Балтии» от прототипического

представления о «своих». В рассматриваемый период прибалтийские республики проводили активную политику по вступлению в Евросоюз и НАТО, а в 2004 стали полноправными членами этих организаций (в сознании многих россиян со времен холодной войны сохранилось представление о НАТО как о враждебном России военном блоке). Грузинские правительства также неоднократно выражали готовность вступить в НАТО и ЕС, но решение этого вопроса относится к далекой перспективе. Можно ожидать, что для британцев категоризация по оппозиции «Свои» – «Чужие» будет отражать обратную закономерность (Великобритания – член НАТО и ЕС).

В большинстве контекстов в российских и британских СМИ метафорические выражения, посвященные осмыслению постсоветской действительности Латвии, Литвы и Эстонии, актуализировались по отношению к прибалтийскому региону в целом, что делает невозможным отдельный подсчет метафорических контекстов для каждой республики, поэтому при анализе частотности эти республики объединены в сферу-мишень «Страны Балтии». К тому же синкретичность метафорического представления Латвии, Литвы и Эстонии отражает таковое представление о прибалтийских республиках в национальных наивно-географических картинах политического мира, что в частности подтверждается наблюдениями других исследователей.

С учетом задач диссертации и изучаемого материала целесообразно использовать методику параллельного сопоставления метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии. Для определения степени воздействия когнитивно-дискурсивных факторов на функционирование метафорических моделей целесообразно проводить сопоставительный межкультурный анализ политических метафор на примере нескольких однотипных сфер-мишеней метафорической экспансии, при концептуализации которых гипотетически возможны проявления имплицитных когнитивных оппозиций в российском и британском политическом дискурсе.

Вторая глава – **Российско-британские параллели при метафорическом моделировании постсоветской действительности** – посвящена общей характеристике системы российских и британских метафорических моделей и исследованию метафорических моделей, не проявляющих полярных расхождений в частотности при смене сферы-мишени в качестве объекта рассмотрения.

В первом параграфе дается общая характеристика системы российских и британских метафорических моделей и приводится количественная характеристика системы метафорических моделей (табл. 1). Частотность представлена в процентном соотношении метафор анализируемых сфер-источников для каждой сферы-мишени в каждом национальном дискурсе.

Таблица 1. Частотность метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе

Сферы-источники метафорической экспансии	Российский дискурс			Британский дискурс		
	Сфера-мишень «Россия» %	Сфера-мишень «Грузия» %	Сфера-мишень «Страны Балтии» %	Сфера-мишень «Россия» %	Сфера-мишень «Грузия» %	Сфера-мишень «Страны Балтии» %
Война	17,5	14,6	21,2	28,9	28,6	17,8
Человеческий организм	20,7	18,8	22,2	14,6	13,3	15,5
Мир животных	16,1	15,6	19,9	9,9	9,3	26,0
Театр	9,4	15,9	14,8	12,3	11,6	5,8
Спорт и игра	9,8	8,0	7,9	12,0	14,4	15,0
Болезнь	7,2	8,3	11,3	7,0	10,9	5,6
Монархия	11,3	10,8	0	13,4	10,6	0
Родство	8,2	8,0	2,7	1,9	1,3	14,3

Квантитативные данные показывает, что частотность метафорических моделей значительно зависит не только от национального дискурса, но и от сферы-мишени метафорической экспансии. Некоторые модели проявляют значительную вариативность в частотности в зависимости от сферы-мишени и национального дискурса, в то время как другие модели тяготеют к статичной частотности, которая незначительно варьируется при смене сферы-мишени метафорической экспансии.

Полученные результаты позволили разделить анализируемые метафорические модели на две группы.

В первую группу вошли модели, не проявляющие полярных расхождений в частотности по критерию сферы-мишени (сферы-источники «Война», «Человеческий организм», «Спорт и игра», «Театр», «Мир животных», «Болезнь»). Эти доминантные метафорические модели выявляют больше сходств, чем различий и являются основой российско-британского интердискурса.

Во вторую группу вошли метафорические модели, отражающие значительные различия по критерию корреляции частотности и сферы-мишени метафорической экспансии (сферы-источники «Родство», «Монархия»).

В последующих параграфах рассматриваются метафорические модели первой группы.

Милитарная модель. Сфера-источник «Война» относится к наиболее частотным исходным понятийным областям, задействованным в метафорическом конструировании мира политики. Милитарные метафоры не способствуют поиску консенсуса и компромисса, поэтому концептуализация политической действительности в понятиях войны свидетельствует о доминировании в национальном сознании «агрессивного» сценария для разрешения политических разногласий, что находит свое отражение в российских и британских метафорах фреймов «Война и ее разновидности», «Организация военной службы», «Военные действия и вооружения», «Начало войны и ее итоги». Ср.: *Политическая баталия во втором туре развивалась прелюбопытнейшим образом. Армия Сергея Веремеенко панически бежала, бросая пушки и знамена* (С. Юрьев / КП, 13.12.2003). *Режим Аслана Абашидзе в Абхазии после первого кавалерийского наскока устоял. Стороны готовятся к новым сражениям* (О. Храбрый / Эксперт, № 13, 2004). *Now that truce is no more. In the West, the worry is this will lead to all out war between the Kremlin and the oligarchs* (DT, 27.10.2003). *The present Latvian authorities have come under fire for failing to prosecute alleged war criminals who helped the Germans* (I. Traynor / The Guardian, 19.2.2000).

Если при сопоставлении частотности милитарных метафор, актуализированных для осмысления нескольких сфер-мишеней, результаты в разных национальных дискурсах расходятся, то это свидетельствует не столько о реальной милитаризации общества или его сознания, сколько о профилировании различных проблем, об особенностях метафорического восприятия одной и той же действительности в разных национальных сообществах. Как показывает количественная характеристика милитарной метафорической модели, для британских СМИ очень характерно осмыслять сферы-мишени «Россия» и «Грузия» в понятиях войны, в то время как при осмыслении сферы-мишени «Страны Балтии» предпочтение чаще отдается метафорам из других сфер-источников. Причины этого кроются в том, что британцев страны Балтии интересуют в первую очередь в контексте проблем Евросоюза, поэтому эти республики чаще представляются как новые члены Европейской семьи или участники спортивного соревнования, а не участники военных действий. В российских СМИ чаще профилируются другие проблемы. В первую очередь внимание российской общественности направлено на вопрос о статусе русскоговорящих меньшинств в прибалтийских республиках, которые ведут метафорическую войну с прибалтийскими правительствами.

Театральная модель. Концептуальная метафора «Политика – это театр» относится к числу наиболее традиционных способов репрезентации действительности. Широкое распространение театральной метафоры в современном политическом дискурсе объясняется тем, что сама политическая действительность во многом напоминает театральную драматургию, представители зрелищных искусств принимают активное участие в политической жизни, а

политики нередко оказываются на эстраде рядом с артистами. В российском и британском политическом дискурсе модель представлена фреймами «Виды зрелищных представлений», «Работники театра», «Театральное здание и театральный реквизит», «Жанры и элементы представлений», «Публика и прием, оказываемый спектаклю». Ср.: *Разве что театр абсурда: русская учительница будет вынуждена разговаривать с русскими детьми на латышском языке под присмотром инспектора из министерства образования и науки* (Ю. Сергеев / КП, 24.11.04, 2004). *В солнечном и спокойном Батуми я никак не мог отделаться от ощущения: аджарский конфликт – что-то вроде театральной постановки-оперетты. Два главных героя красиво ссорятся, зловеще бряцают оружием, их бросается мирить чуть ли не весь мир, они триумфально мирятся, народ ликует – хеппи-энд, аплодисменты, цветы, занавес. Конференсье благодарит зрителей за внимание* (В. Ворсоби / КП, 23.3.2004). *It was a piece of political theatre, a staged display of power, deference, and flouting of the law* (I. Traynor / The Guardian, 17.11.2000). *Increasingly autocratic, ruling through ex-communist nonentities, this Machiavellian puppet-master failed to reform the economy and education or reduce corruption* (S. Montefiore / DT, 25.11.2003).

В российском политическом дискурсе театральные метафоры в большей степени востребованы для осмысления политических событий в Грузии и странах Балтии, чем в британских источниках. Россияне более склонны видеть за событиями в Грузии закулисных режиссеров и могущественных кукловодов, разыгрывающих политические спектакли для России и мирового сообщества, а в политике стран Балтии театр абсурда и театральные постановки для Евросоюза. В британском дискурсе ход событий в Грузии и странах Балтии представляется более естественным и менее театрализованным. При метафорическом представлении России результаты частотности в двух дискурсах приблизительно одинаковы.

Спортивно-игровая модель. В соответствии с концептуальной структурой исходной понятийной области политика осмысляется в понятиях разнообразных спортивных соревнований и игр, что отображено в метафорах фреймов «Виды игры и спорта», «Квалификация спортсменов и итоги соревнований», «Правила игры». Ср.: *Словно искусный горнолыжник на трассе слалома, правительство должно лавировать между интересами бизнеса и общества* (М. Головнев / КП, 24.3.2004). *Есть еще и такая настольная игра – кремлевские шахматы. Правила простые: все фигуры на доске стремятся стать королевскими пешками* (С. Пен / АуФ, № 19, 2004). *The last time I saw Mr. Shevardnadze I asked him about corruption and disillusionment with his rule. Why not retire? 'I'm a chess player,' he replied. 'Await my next move.' Now the grand master has been checkmated: the long game is over*" (S. S. Montefiore / Daily Telegraph, 25.11.2003). *From the beginning, it was clear that the election would be a one-horse race* (J. Strauss / Daily Telegraph, 15.03.2004).

В метафорической модели со сферой-источником «Спорт и игра» обнаруживаются британско-российские различия в осмыслении постсоветской действительности. Если британцы предпочитают переносить на действительность прибалтийских республик смыслы «здорового соперничества» из исходной понятийной сферы «Спорт», то в российской прессе по отношению к странам Балтии чаще профилируются смыслы из других понятийных сфер. Вместе с тем осмысление действительности через спортивные метафоры в большей степени характерно для британского, чем российского сознания, о чем свидетельствует регулярное преобладание британских спортивных метафор независимо от сферы-мишени метафорической экспансии.

Морбиальная модель. Рассматриваемая модель является одним из вариантов развития концептуальной метафоры «Общество – это организм», развертываемой в дискурсе как концептуальная метафора «Общество – это больной организм» для привнесения прагматического смысла неестественности развития ситуации и актуализации императива противодействия «чужеродным телам». Дальнейшее развитие метафорического сценария связано с актуализацией понятий из сферы «Медицина», фреймовое знание о которой используется в политической коммуникации для прогнозирования способов преодоления кризиса и определения задействованных в этой деятельности субъектов. Модель представлена фреймами «Диагноз», «Пациенты и медицинский персонал», «Симптомы болезни», «Способы лечения», «Используемые инструменты и лекарства», «Состояние пациента». Ср.: *Выборы – это ведь еще и своего рода медицинский анализ, данные для диагноза. В этом году обнаружены возвратные явления застарелой болезни. У больного крайне неутешительные перспективы (Ю. Побединский / Известия, 10.12.2003). Бывшие советские прибалтийские республики явно страдают хронической болезнью. Симптомы ее одинаковы у всех трех государств – периодически Эстония, Латвия и Литва призывают Россию каяться, просить прощения «за 50 лет оккупации». В периоды обострения заболевания они на полном серьезе требуют от нас возместить ущерб, выплатив компенсации (А. Тулеев / НГ, 31.08.2004). When any body politic starts denying or suppressing historical facts, that is a warning sign, like the spots indicating measles (T. Garton / Guardian, 12.5.2005). It is clear that the Pentagon is planning to stay longer and that Georgia sees the US troops as a miracle cure to the various ailments afflicting the enfeebled state (I. Traynor / The Guardian, 20.03.2002).*

Британское и российское видение ситуации посредством морбиальных метафор во многом совпадает. В метафорической картине российских и британских СМИ Грузия – тяжело больной организм, который к тому же не следует рецептам и предписаниям международных организаций, а надеется на панацею; Россия выздоравливает, чувствует себя лучше, идет на поправку, хотя ее и мучают психические расстройства; прибалтийские республики подвержены недомоганиям, но в целом в срочном лечении не нуждаются. Бри-

танцы в большей степени склонны видеть в странах Балтии естественную перспективу развития ситуации, чем россияне, а в случае со сферой-мишенью «Грузия» наблюдается обратная закономерность. В российском дискурсе морбиальные метафоры для осмысления сферы-мишени «Страны Балтии» оказались востребованными в большей степени. Это связано с тем фактом, что проблема прав русских меньшинств в этих республиках интересует россиян в большей степени.

Антропоморфная модель. Антропоморфная модель относится к наиболее универсальным метафорическим моделям, что и предопределяет ее высокую дискурсивную устойчивость, невысокий уровень частотной вариативности при смене сферы-мишени метафорической экспансии. Для россиян и британцев свойственно осмыслять политическую и экономическую действительность в понятиях анатомии и физиологии человека, динамику общественных процессов как жизненный цикл организма, наделять феномены окружающего мира эмоционально-волевыми свойствами, что представлено в метафорах фреймов «Тело (организм) человека», «Жизненный цикл организма», «Физиологические процессы». Ср.: *Сегодня, когда блока «Родина» уже не существует, становится очевидно, что никакого другого исхода быть не могло: это был заведомо нежизнеспособный организм* (Н. Архангельская / Эксперт, № 6, 2004). *Руки у России все крепче и крепче. Их не выкрутить даже таким крепким партнерам, как Евросоюз* (В. Путин / КП, 23.4.2004). *Russia is flexing its political muscles against the oil cartel* (T. Macalister, L. Elliott / The Guardian, 20.11.2001). *If the public has less of an appetite for the hardships of reform, then a desperate Tbilisi might respond to persistent Ajarian or South Ossetian sabre-rattling* (N. P. Walsh / The Guardian 2.12.2003).

Вместе с тем перспектива антропоморфного мировидения в большей степени характерна для российского, чем британского сознания, о чем свидетельствует преобладание российских органистических метафор независимо от выбора сферы-мишени метафорической экспансии в качестве объекта анализа.

Зооморфная модель. В российском и британском политическом дискурсе модель представлена фреймами «Состав мира животных», «Объединения животных и иерархические отношения в них», «Действия животных», «Обращение с животными», «Части тела животных». Ср.: *Рижские полицейские пустили в ход дубинки. Видимо, у них, как у немецких овчарок, сработал рефлекс при виде людей в полосатом* (Л. Велехов / СС, №4, 2005). *Две палаты парламента – словно два крыла российского орла. Если одно крыло будет не так интенсивно махать, то возможны какие-то крены* (С. Миронов / АуФ, № 20, 2003). *The Russian bear will be back* (N. Ascherson / The Guardian, 14.11.2000). *Estonia, Latvia and Lithuania, known as the "Baltic tigers", are enjoying growth of more than 6% as foreign investment floods in* (K. Cooper / ST,

5.6.2005). *If the Baltic States are Europe's new tiger economies, then for the moment Latvia is heading the pack* (N. George / FT, 25.11.2003).

Зооморфные образы востребованы для метафорического представления политической действительности всех рассматриваемых республик, но выбор конкретных зооморфизмов и связанных с ними эмотивных смыслов значительно варьируется в зависимости от политической ситуации и сферы-мишени метафорической экспансии. Британско-российские различия наиболее рельефно проявились при концептуализации сферы-мишени «Страны Балтии». В британском дискурсе наиболее распространенным образом для представления прибалтийских республик стал образ молодых и быстро растущих тигров, в то время как в российских СМИ этот образ для осмысления Прибалтики оказался совершенно не востребован. Для россиян при концептуализации прибалтийских республик оказались более уместными образы русских пчел, которые дружным роем противостоят немецким овчаркам, или прибалтийских волков, которым российское правительство доверило пасти русских телят.

Рассмотренные метафорические модели в разной степени варьируют свои характеристики в зависимости от когнитивной укорененности сферы-источника в национальном сознании и текущей политической ситуации. Частотность антропоморфной и спортивной моделей почти не изменяется при смене сферы-мишени метафорической экспансии внутри одного национального дискурса, что свидетельствует о большей когнитивной укорененности антропоморфного мировидения политики для россиян и спортивных образов при осмыслении политики для британцев. Метафорические модели со сферами-источниками «Мир животных», «Война», «Болезнь» и «Театр» проявляют большую предрасположенность к варьированию характеристик под воздействием дискурсивных факторов и относятся к менее устойчивым моделям, но сопоставление характеристик этих моделей не выявляет полярных расхождений при рассмотрении корреляций сферы-мишени и национального дискурса.

Третья глава – **Особенности метафорического моделирования постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе** – посвящена анализу особенностей функционирования метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе, выявляемых по критерию сферы-мишени метафорической экспансии (метафорические модели второй группы).

В соответствии с выделенными критериями особенности функционирования метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе разделяются на два типа. В первом случае рассматривается вариант, при котором метафорическая модель востребована в российском и в британском политическом дискурсе для концептуализации одних сфер-мишеней, но оказывается совершенно не востребованной для концептуализации другой сферы-мишени (сфера-источник «Монархия»). Второй тип особенностей

функционирования метафорической модели определяется тем, что в российском политическом дискурсе определенная сфера-мишень регулярно концептуализируется в понятиях определенной сферы-источника, в то время как в британском дискурсе метафоры исходной понятийной области для осмысления данной сферы-мишени нетипичны. При этом анализ другой сферы-мишени свидетельствует о прямо противоположных результатах: прагматический потенциал сферы-источника, не востребованный в российской политической речи, регулярно эксплуатируется для концептуализации данной сферы-мишени в британском политическом дискурсе (сфера-источник «Родство»).

Метафорические модели со сферами-источниками «Родство» и «Монархия» можно отнести к дискурсивно неустойчивым метафорическим моделям, проявляющим значительную вариативность в проявлении своих свойств, в зависимости от сферы-мишени метафорической экспансии и востребованным политической ситуацией эмотивным смыслам.

Монархическая модель. В российском и британском политическом дискурсе метафорическая модель с исходной понятийной областью «Монархия» наиболее структурирована при концептуализации российской политической действительности. Модель представлена фреймами «Носитель верховной власти», «Монархическая форма правления», «Система монархической власти» Ср.: *Для российского человека по-прежнему идеал управления – сильная единоличная власть, царь-батюшка, как его не назови – генсек, президент... Он рубит головы непослушным боярам (олигархам, зарвавшимся мэрам и губернаторам), обороняет от супостатов (например, чеченских террористов) (В. Рыжков / АиФ, № 2, 2004). Самое сильное и заметное отличие от "старосемейного" уклада — олигархам-аборигенам не пожаловано облюбованное ими в благословенные 90-е, место великих визирей и постовщиков при дворе (В. Понов / Завтра, 04.02.2004). Russia falls at the feet of Tsar Vladimir (J. Strauss / DT, 8.5.2004). Yeltsin would make Putin his crown prince, but it was made clear that he would only have Yeltsin's chair provided he made it a priority to look after him (M. Franchetti / ST, 2.1.2000).*

Монархическая модель осмысления действительности оказалась востребованной и для концептуализации Грузии. Ср.: *За годы правления Эдуарда Шеварднадзе Абхазия превратилась в некую феодалную вотчину ее главы, наделившего себя абсолютными полномочиями (Ю. Симонян / Эксперт, № 2, 2004). Видно, не случайно только что взошедший на шаткий, разваливающийся грузинский престол Михаил Саакашвили на днях сделал заявление не по Беларуси, нет, а по Украине (Е. Постиков / Завтра, 21.01.2004). King-making is not enough. Nation-building is what counts (The Guardian / 6.1.2004). Today they are comparing Shevardnadze to King Lear – a lonely, disconsolate figure, surrounded by fawning courtiers (The Guardian, 24.11.2003).*

Сопоставление монархических метафор, актуализированных для осмысления российской и грузинской действительности, показывает, что ак-

туализация фреймового знания об исходной понятийной сфере «Монархия» значительно варьируется в зависимости от политической ситуации и сферы-мишени метафорической экспансии. Российские и британские метафоры, актуализированные для представления Грузии, тяготеют не к образам абсолютизма или сильной монархической власти, как это представлено на примере сферы-мишени «Россия», а к эпохе «мрачного средневековья», феодальной раздробленности и тотальных междоусобиц князьков и феодалов. Ср.: *За годы правления Эдуарда Шеварднадзе Аджария превратилась в некую феодалную вотчину ее главы, наделившего себя абсолютными полномочиями* (Ю. Симонян / Эксперт, № 2, 2004). *Республика все больше раскалывается на феодалные княжества* (Завтра, 18.1.2000). *In short, Shevardnadze presides haplessly over a shrunkn realm* (The Guardian, 21.03.2002). *Armed groups roamed Adzharia – the fiefdom carved out by Mr Abashidze* (The Guardian, 4.5.2004). *The autonomous republic of Adjara, on Georgia's western coast, is ruled by the feudal regime of Aslan Abashidze* (The Guardian, 15.03.2004).

В российском и в британском политическом дискурсе при концептуализации Грузии не задействованы активно используемые для осмысления России слоты «Передача власти» и «Наследник», но продуктивен слот «Свержение монарха», что демонстрирует значительную зависимость между высвечиванием отдельных фреймов и слотов монархической модели и политической действительностью (в первую очередь событиями, связанными с отказом от власти А. Абашидзе и Э. Шеварднадзе). Ср.: *Постепенно выявляется подоплека свержения президента Грузии Э.Шеварднадзе. При всех внешних признаках народной революции это был дворцовый переворот. Одна (более молодая) проамериканская группировка выгнала из дворца другую, старую группировку* (В. Тетекин / СР, 27.11.2003). *И особенно должно быть обидно Эдуарду Амвросиевичу, что, по иронии судьбы, сверг его с трона молодой одноклассник «товарища Саахова» — Михаил Саакашвили* (А. Фролов / СР, 25.11.2003). *The 37-year-old lawyer, who led the overthrow of Eduard Shevardnadze symbolically splashed his face with the waters of the Black Sea* (J. Strauss / DT, 7.5.2004). *Georgian president claims victory as feudal ruler flees* (N. Antelava, N. Walsh / The Guardian, 6.03.2004).

Еще более показательны результаты анализа сферы-мишени «Прибалтийские республики». Зависимость вербализации когнитивных структур от политической ситуации проявляется на уровне всей модели: в контекстах, посвященных метафорическому представлению прибалтийских республик, не выявлено ни одной монархической метафоры.

Отсутствие монархических метафор при концептуализации действительности в прибалтийских республиках связано с тем, что хронологические рамки выборки (2000–2005 гг.) – это период активной деятельности Латвии, Литвы и Эстонии по вступлению в ЕС. Тот факт, что прибалтийские республики, доказывавшие свою демократичность в течение 10 лет, были приняты в

сообщество европейских государств, свидетельствует о признании европейцами демократического устройства прибалтийских республик, что и коррелирует с отсутствием феодальных по сфере-источнику метафор, несущих прагматический смысл «недемократичности». В функциональном аспекте монархическая метафора в политическом дискурсе служит своеобразным индикатором, фиксирующим представление о «степени демократичности» концептуализируемых государств.

Помимо различий в дискурсивных характеристиках метафорической модели при смене сферы-мишени метафорической экспансии анализ монархических метафор обнаруживает национально обусловленную специфику в инвентаре метафорических образов. В российском дискурсе актуализируются метафоры, апеллирующие к реалиям российской истории, а в британском – к понятиям, связанным с историей Англии и Британской империи. Там где россияне видят княжества, уделы или воеводства, британцы – лены, феоды и бенефициарии.

Анализ монархической метафорической модели показывает сильную зависимость между активностью метафор в российском и британском политическом дискурсе и сферой-мишенью метафорической экспансии, что позволяет проследить, как когнитивная «укорененность» монархической концептуальной метафоры проявляется в определенных дискурсивных условиях.

Модель родства. Моделирующий потенциал сферы-источника «Родство» регулярно используется в британском политическом дискурсе для осмысления действительности прибалтийских республик, но почти не задействован для осмысления сфер-мишеней «Россия» и «Грузия». В представлении британцев Россия не только не входит в европейскую семью, но и представляется скорее тюрьмой народов, нежели единой семьей, а Грузия все еще далека от образцового демократического государства (т.е. от европейской семьи). Вместе с тем страны Прибалтики вступили в дружественные организации и стали полноправными членами европейской семьи. Ср.: *The accession of Lithuania, Latvia and Estonia restores the once captive nations of the Soviet empire to their place as full members of Europe's political family after half a century of exclusion (A. Evans-Pritchard / DT, 1.5.2004). The Finnish-Estonian reconciliation has, in turn, inspired the other richer Nordic nations to "adopt", invest in, and bond with their neighbours to the east. Much as Finland has "adopted" Estonia, so Sweden has done with Latvia, and Norway and Denmark with Lithuania (G. Sander / FT, 8.4.2000).*

Анализ российского политического дискурса свидетельствует о противоположных результатах: прагматический потенциал сферы-источника «Родство» активно реализуется в российском политическом дискурсе для концептуализации сфер-мишеней «Россия» и «Грузия», но не используется для осмысления сферы-мишени «Страны Балтии». Ср.: *Если бы не «дедушка Ельцин», не было бы ни «внучка» Немцова, ни Явлинского, ни Гайдара. Эли-*

та и вела себя, как «внучек», – капризничала, требовала «титьку», устраивала семейные «оры» (В. Костиков / АиФ, № 51, 2003). У Федерации по определению не может быть «пасынков» и «любимчиков». Субъект большой он или маленький должен рассчитывать на защиту, отеческое отношение этого государства, в состав которого он входит (П. Волостригов / КП, 7.4.2004). От кого Россия должна была стать независимой? От своих братьев – белорусов, украинцев, грузин? (И. Полозков / АиФ, № 24, 2003).

Межнациональные различия проявляются и в когнитивной структуре сферы-источника «Родство»: прототипические сценарии бракосочетания в британской и российской картинах мира заметно отличаются. Если для россиян прототипический сценарий бракосочетания связан с гражданскими процедурами, то для британцев – с религиозными обрядами. В англиканской церкви во время венчания жених и невеста идут к алтарю по проходу между церковными рядами, дают клятву верности и духовного единения, а в глубине церкви может найтись человек, неожиданно выкрикивающий возражение. Это фреймовое знание регулярно объективировалось в британской политической метафорике. Ср.: *After years of courtship and intense deliberation, 15 grooms and 10 brides are set to walk down the aisle towards union. But their vows will not be those of emotional and spiritual togetherness. Rather they will be along the lines of economic and political matrimony, as the 15 states of the current European Union embrace ten of their closest eastern and Mediterranean neighbours.* (M. Stanhope / WM, 20.4.2004). *If last week's ceremony in Washington to welcome seven new members to Nato had been a marriage service there would have been a loud objection from the back of the church* (I. Mather / SS, 4.4.2004).

Анализ метафорической модели родства позволяет проследить зависимость между когнитивным и дискурсивным фактором актуализации политической метафорики. При сопоставительном исследовании метафор родства в российском и британском политическом дискурсе на примере сферы-источника «Прибалтийские республики» напрашивается вывод о том, что британцы в гораздо большей степени предпочитают осмыслять политическую действительность в понятиях родства, чем россияне, а исследователь этой же метафорической модели на примере России и Грузии получит совершенно противоположные результаты. Метафора родства, обнаруживая мощный прагматический потенциал к переконцептуализации политической действительности и категоризации мира политики по оппозиции свой – чужой, очень «чувствительна» к социально-политической ситуации и востребованной этой ситуацией эмотивным смыслом. На концептуальном уровне метафора родства достаточно характерна для обеих лингвокультур, но ее актуализация в дискурсе характеризуется значительными корреляциями с экстралингвистическими факторами.

Анализ метафор в российском и британском политическом дискурсе показывает, что некоторые метафорические модели очень «чувствительны» к

дискурсивным условиям и выбору сферы-мишени метафорической экспансии, другие же практически не проявляют релевантных изменений по этим критериям, что обусловлено различной дискурсивной устойчивостью метафорических моделей, т.е. свойством модели, отражающим ее способность к резкому изменению частотности при смене сферы-мишени в качестве объекта исследования.

Полученные результаты наиболее рельефно демонстрируют взаимодействующую эвристичность когнитивного и дискурсивного подходов к метафорическому анализу. В когнитивном аспекте сопоставление метафорических моделей позволяет выявить культурно обусловленные концептуальные различия, но не всегда приводит к достоверным выводам на предмет выявления национальных предпочтений в апелляции к определенной исходной понятийной сфере.

Анализ политических метафор дискурсивно устойчивых моделей позволяет получать достаточно валидные результаты о когнитивной укорененности определенного способа осмысления мира в национальном сознании. Вместе с тем характеристики дискурсивно неустойчивых метафорических моделей (структурированность, актуализация отдельных фреймов и слотов, частотность) значительно зависят от того, какая республика из «мозаики суверенитетов» на постсоветском пространстве выступает в качестве сферы-мишени метафорической экспансии: экстралингвистические факторы варьируют характеристики метафорических моделей в гораздо большей степени, нежели особенности национальных языков и национальных концептосфер.

Таким образом, эвристичность межкультурного сопоставительного исследования метафорических моделей повышается при включении в анализ нескольких однотипных сфер-мишеней с учетом когнитивного и дискурсивного ракурсов анализа, что позволяет не только определить национальную специфику политических метафор и влияние экстралингвистических факторов на их функционирование, но и способствует выявлению соотношения в степени воздействия когнитивного и дискурсивного факторов на метафорическую модель, характеристики которой сильно варьируются в зависимости и от сферы-мишени, и от сферы-источника.

В **Заключении** работы подведены основные итоги исследования, сформулированы обобщающие выводы и намечены перспективы дальнейшего исследования метафорических моделей в политическом дискурсе.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Будаев Э. В. О системности и среде в ракурсе теории когнитивной метафоры // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А. П. – Екатеринбург, 2004. – Т.12. – С. 5–11.

2. Будаев Э. В. Театр как сфера-источник для метафорического представления действительности в российской и британской прессе 2000-2004 // LINGUISTICA JUVENIS: Сборник научных трудов молодых ученых. – Выпуск 5. Дискурс и текст. – Екатеринбург, 2005. – С. 30–46.

3. Будаев Э. В. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000-2004) // Известия УрГПУ. / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Вып. 16 – Екатеринбург, 2005. С. 41–52.

4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования // Известия УрГПУ. Лингвистика. – Вып. 17. – Екатеринбург, 2006. С. 35–76.

5. Будаев Э. В. Россия, Грузия и страны Балтии в зеркале российских и британских метафор родства // Известия УрГПУ. Лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А. П. – Вып. 18. – Екатеринбург, 2006. – С. 34–57.

6. Будаев Э. В. Монархическая метафора как средство концептуализации политической действительности в британской прессе (на примере России, Грузии и Латвии) // Перевод и межкультурная коммуникация / Материалы VI международной научно-практической конференции / Институт международных связей. – Екатеринбург: Издательство АМБ, 2004. – С. 82–87.

7. Будаев Э. В. Зооморфная метафора в британской прессе 2000-2005 гг. (на примере метафорического моделирования постсоветской действительности России, Грузии и стран Балтии) // Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация / Материалы XII международной научно-практической конференции / Институт международных связей. – Екатеринбург: Издательство АМБ, 2005. – С. 11–24.

8. Будаев Э. В. Методика сопоставительного исследования метафорических моделей в политическом дискурсе // Риторика и лингвокультурология: материалы межвузовской научной конференции, 25-26 нояб., 2005, УрГПУ. – Екатеринбург, 2005. – С. 18–21.

9. Будаев Э.В. Метафорическая модель со сферой-источником «Человеческий организм» в осмыслении постсоветской действительности в британской и российской прессе // Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 14 окт. 2005 г. Стерлитамакская государственная педагогическая академия (республика Башкортостан) / Отв. ред. Н. В. Пятаева: В 2-х т. – Стерлитамак: СГПА, 2006. – Том 1. – С. 154–156.